

ДЖЕФФРИ ПРИМРОУЗ

СТРОГО
ПО

ИНСТРУКЦИИ...

18+

Джеффри Примроуз
Строго по инструкции

«ЛитРес: Самиздат»

1988

Примроуз Д.

Строго по инструкции / Д. Примроуз — «ЛитРес: Самиздат»,
1988

ISBN 978-5-532-94243-1

Фантастический рассказ-шутка про смелый эксперимент на орбите,
проведённый двумя отважными советскими космонавтами.

ISBN 978-5-532-94243-1

© Примроуз Д., 1988
© ЛитРес: Самиздат, 1988

Содержание

Строго по инструкции	5
Фантомы брачной ночи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джеффри Примроуз

Строго по инструкции

Строго по инструкции

...июня 198... года в нашей стране запущен космический корабль «Расцвет» с двумя космонавтами на борту... Самочувствие экипажа нормальное. Координационно-вычислительный центр ведет обработку информации...

Из газет/

Проплывающая под ними планета была столь голубой, нежной и безгрешной, что казалась истинным символом чистоты и безмятежности, и сердца обоих космонавтов переполняла тихая радость от приобщения к Великому Таинству Мироздания и вполне законная гордость за научно-технические достижения социалистической Отчизны.

– А тебе пойдет орден, Маша, – сказал летчик-космонавт, майор Егор Кузьмин, окинув взглядом ладную, стройную фигуру своей спутницы и коллеги. Лежа на потолке, бортинженер Маша Заборова записывала в боржурнал данные телеметрических наблюдений.

– Ордена всем подходят, – негромко ответила она. – Только ты, надеюсь, не только за орденом в космос полетел?

– Кто? Я? – Егор хохотнул. – А зачем же еще? Орден сам по себе не помешает, а тут еще пенсия, выслугу лет надо отрабатывать. «За туманом» в тайгу нынче только дураки ездят!.. – со смешком заключил космонавт и тут же осекся, пожившись от уничтожающего взгляда девушки.

С напарницей в этом полете ему явно не повезло. Узнав о решении комиссии, весь отряд космонавтов дружно вздохнул и печально покачал головами, соболезнуя Егору. Из общего числа «прекраснейшей половины» отряда одна Маша заслужила себе недобрую славу «синего чулка» и неукротимой комсомольской активистки. Она обожала проводить собрания, разбирать «персональные дела», особенно касательно «аморалки»; глаза ее светились счастьем, когда, повязав на шею красный галстук, она принимала линейку подшефного пионерского отряда.

– Думайте, что говорите, товарищ майор! – жестко бросила она.

– А что я такого сказал? – возмутился Егор. – У меня семья, дети, я их вырастить должен. Это те, у кого ни детей, ни плетей, а одни лозунги на уме...

– Я сказала – «думайте», – еле слышно произнесла Маша.

Прикусив язык, Егор быстро обернулся к экрану и вытаращил глаза, встретившись с колючим, немигающим взглядом генерала Рататуева.

С тех пор как бывший экипаж «Расцвета» не смог выйти на связь по причине кислородного опьянения, связь с Центром Управления Полетом устанавливалась автоматически, стоило лишь космическому кораблю оказаться в зоне приема радиолокационных станций.

– Ну, как дела, «Позитроны»? – бодро осведомился генерал.

– Превосходно! – ответила Маша. Оттолкнувшись ногами от потолка, она стремительно спикировала к своему креслу и села в него, прицепившись ремнем.

– Как освоились с невесомостью? – продолжал допытываться генерал. – В ушах не шумит?

– Порой побулькивает, – с усмешкой сказал Егор, – но думаю, что скоро пройдет.

– А как с давлением? Не беспокоит? Скажу по секрету, наши врачи недовольны вчерашними результатами. Если так и дальше будет скакать, то...

Оба космонавта наперебой заверили его, что чувствуют себя отменно и ведут активную подготовку к эксперименту.

– Ну что же, – одобрительно кивнул генерал, – добре-добре. До настоящей минуты весь эксперимент засекречен. О нем и понятия не имеет большая часть нашего персонала. Мы не хотели разглашать его для того, чтобы пальму первенства у нас не похитили наши заокеанские коллеги. Но не только поэтому. Даже после своего завершения эксперимент будет навечно засекречен по причинам, которые вам станут понятны позже. Итак...

Космонавты напряглись. Под их внимательными и любопытными взорами генерал смутился и, поерзав на месте, пустился в объяснения, начав издали.

– Мы переживаем сейчас события всемирно-исторического значения, – сказал он тоном, каким обычно начинал лекцию в кружке политпросвещения. – Только что Председатель Президиума Верховного Совета СССР подписал с президентом США договор об ограничении некоторых стратегических, наступательных и тактических вооружений.

– Знаем, знаем, мы ему только вчера поздравительную телеграмму отстучали, – бойко закивала Маша.

– И вот, ввиду того, что высвобождаемые от гонки вооружений средства заокеанским войскам надо куда-то девать, они нам предложили осуществить совместный полет на Марс. С экипажем 8 человек.

– Ух ты! – воскликнул Егор. – А для нас с Машенькой там, часом, местечка не найдется?

– А ты, Егорушка, поперед батьки в пекло не лезь, – укоризненно осадил его генерал. – Экипаж полетит смешанный, по две пары от них и от нас. Путь, сами знаете, туда не близкий, почитай, год с хвостиком.

Как в таком случае быть с психологией? Ну, наши мужчины уже доказали, что могут по году и более обходиться в космосе без женщин...

«Эт-точно, доказали, – сказал про себя Егор, – но почему Ромуальд по возвращении из годового полета так полюбил приталенные пиджаки и туфли на высоком каблуке?..»

– ... однако америкашки не допускают и мысли о том, чтобы отправиться в космос без женщин. наших девушек мы в этот полет, конечно же, пошлем, но нам необходимо проверить, не подвергнется ли там их нравственность, так сказать, нападкам и, если можно так выразиться, испытанию. Вы меня понимаете? Словом, вашему экипажу... – он нахмурился и зычно произнес: – Вам, дорогие мои, доверено провести в космосе беспрецедентный по своей смелости медико-биологический эксперимент под кодовым названием «Радуга-4». В ходе эксперимента вам предстоит определить способность человека произвести половой акт в условиях невесомости.

Некоторое время в отсеке царил тишина.

– Что-о-о? – в изумлении вскричала Маша. – Да вы что, совсем с ума сбрендили? Ой, я очень извиняюсь, товарищ генерал, но...

– Вот именно, что «но»! – с осуждением сказал генерал. – Может, припомните, товарищ старший лейтенант, что вы писали, поступая в отряд? Я вам напомню: «Готова идти туда, куда пошлет меня родная Коммунистическая партия и Советское правительство»...

– Но кто же мог подумать, что они пошлют меня на ...

– Другие по призыву партии и комсомола беззаветно кидались на пулемет...

– Это совершенно разные вещи, на пулемет и я согласна.

– А в заявлении о приеме в партию ты что писала? – «Готова быть на переднем крае строительства коммунизма». Так? А если через космос, через ваш корабль и проходит этот самый передний край? Об этом ты подумала?

Глаза девушки переполнились слезами.

– Я не смогу, – прошептала она.

– Но ты же советский человек.

– Я... я не готова к этому, – она едва сдерживала рыдание.

– Но ведь ты коммунист! Ты – воспитанница боевого отечественного комсомола, – продолжал увещевать ее Рататуев. – Вспомни, как ты пела: «Если тебе комсомолец имя, имя крепи...»

Маша хотела что-то ему возразить, но не смогла и отвернулась. Плечи ее стали вздрагивать.

– Стыдись, наследница боевой славы своих отцов и дедов, – сурово отчитал ее генерал. – Бери пример с Егора. Вот кто истинный коммунист. По призыву родной партии он готов пойти куда угодно...

– Только не туда! – перебил его космонавт. – Да меня завтра же жена со свету сживет. У нас же дети – пионеры. Вы что, хотите разрушить образцовую советскую семью? А вы подумали, каков будет общественно-политический резонанс, когда западные радиоголоса на весь свет растрезвонят о том, что советские космонавты вместо науки там сексом занимаются? А родное Министерство обороны у них выступает вместо сводника?

– Эх, Егор, Егор... – Рататуев с горечью покачал головой. – Я ведь тебе в отцы гожусь. Ты, видно, недооцениваешь нынешнюю политическую ситуацию в стране и во всем мире. Потрясенный невиданными успехами нашей прошлой пятилетки, империализм в бессильной злобе точит зубы на наши бесспорные завоевания в области науки, культуры и коммунистического строительства. И в условиях нынешней конфронтации двух систем резонанс вашего эксперимента, безусловно, скажется на укреплении климата доверия между двумя противостоящими блоками; более того, он окончательно утвердит приоритет нашей науки в деле освоения космоса в мирных целях. Они, вишь, всё спутники шпионские запускают да СОИ свои пропагандируют, а мы ставим космос на службу миру и, грубо говоря, любви. Да и засекречен весь ход эксперимента так хорошо, что твоя Иринка никогда про него ничего не узнает.

– Вы мою жену не знаете, – со вздохом заключил Егор и махнул рукой. – Ну да ладно. Я-то, в принципе, человек военный, приказ есть приказ, люди мы подневольные, а вот как быть с... – он обернулся к Маше.

За истекшие несколько минут в облике «Позитрона-2» произошла разительная перемена, лицо ее стало строгим и сосредоточенным, лишь веки чуть припухли и покраснели.

– Я готова выполнить приказ, – сухо сказала она. – Когда прикажете приступить?

– Эксперимент назначен на послезавтра, ровно на 22.00 московского времени, когда «Расцвет» будет проходить над Западной Сибирью. Главное, помните, никакой отсебятины нам не надо, действуем строго по инструкции. Подробные инструкции вы найдете в запечатанном пакете в контейнере № 46/1. Желаю удачи, ребята!.. – Генерал помахал им рукой. Экран погас.

Повернувшись к своей напарнице, Егор виновато пожал плечами и сказал:

– Чего уж тут поделаешь. «Нам партия сказала: «Будет». А мы ответили: «Звездец»!

– Прекратите ваши пошлые шуточки! – сурово отрезала девушка. – Идемте искать контейнер.

* * *

Снабженный герметично завинчивающейся крышкой, контейнер был битком набит запечатанными в пленку датчиками и проводами. Открыв запечатанный пакет, Маша прочитала:

– «Инструкция по проведению эксперимента «Радуга-4»... Так. Цели и задачи... это уж нам ясно... Научная новизна и практическая ценность... Ага, вот, «Ход эксперимента. В 21.30 космонавты прикрепляют датчики на локтевые, голенные, грудные и брюшные мышцы, фиксируют их вакуум-присосками, присоединяют к измерителям частоты пульса, давления, фрикциометру. «Позитрону-1»...»

– Ага, это мне, – заинтересовался Егор, – а ну-ка, давай поподробнее.

– Липкой лентой прикрепить под тестикулами простатический датчик...

– Под чем, под чем? – поморщился Егор.

– Да под яйцами, – давясь от смеха, пояснила Маша. – Глянь, вот тут рисунок. Дальше: «установить фаллоскоп с вульвовизором, взятыми из пакетов № 847 и № 832...»

– Это что еще за дьявольщина?

– Приборчик какой-то. «Позитрону-2»... Ну, это неинтересно.

– Ты все давай читай, – потребовал Егор, – чтоб не запутались потом в терминологии.

– «... прикрепить сосцовый, лобковый и брюшной датчики, – покраснев, читала Маша, – ввести термометр в область анального отверстия...»

– Это где же? – поинтересовался Егор.

– ... в 22.00, – оставив без ответа его вопрос, продолжала Маша, – начать взаимную стимуляцию эрогенных зон...»

– Во идиоты, а? – изумился Егор.

– «... в 22.06. «Позитрону-1» надеть презерватив и прикрепить к нему вульвовизор. «Позитрону-2» принять позу, изображенную на рис. 4.»

– А ну-ка, покажь, покажь...

– «... и в 22.12 приступить к дефлорации».

– Как-как? Это еще что за слово такое? В первый раз об этом слышу.

– Это значит... – побагровев, прошептала Маша и встряхнула головой. – Это термин такой медицинский, в общем... Ах вы, сволочи, всю подноготную вызнали, подлецы, ироды...

Егор знал, в какие минуты женщины так ругаются, знал он и то, что в подобных случаях мужчинам лучше не пытаться помочь им в этом, а постараться успокоить их.

– Ну, не расстраивайся ты так! – Он положил руку на плечо своей спутнице и будущей партнерше и попытался было привлечь ее к себе, но она отвернулась от него с такой силой, что сама отлетела в противоположный конец отсека и с ненавистью закричала:

– Ну вот что, товарищ майор, прошу без вольностей! То, что мне поручили Родина и партия, я, так и быть, исполню, но перевыполнять не собираюсь, ясно? По инструкции, так по инструкции.

Обреченно махнув рукой, Егор вернулся за пульт. Пропищал сигнал вызова. ЦУП снова выходил на связь.

Теперь их подробно инструктировал доктор Омерзян с ассистенткой Риммой. Это была миловидная брюнетка лет тридцати с небольшим, серьезная, деловитая и уверенная в себе. Всему Звездному городку она была известна под прозвищем Коллекционерша. Она и впрямь была серьезно увлечена коллекционированием, но не марок, не монет, не значков, не медалей и даже не пивных банок, а презервативов, выпускающихся под солнцем всех стран и континентов. Возвращавшиеся из поездок за рубеж в братские (и не совсем), дружественные (и не очень) страны ветераны космоса и прочие звездонавты дарили красавице Римме свои трофеи и сами же опробовали их в деле. Поговаривали, что в морозильных шкафах у докторши хранятся тысячи самых разнообразных кондомов с образцами спермы всей славной плеяды отечественных звездопроходцев. Она уже защитила кандидатскую диссертацию по влиянию космической радиации на активность сперматозоидов и сейчас готовила докторскую на тему «Устойчивость эрекции у лиц, перенесших длительную невесомость». Перед отлетом на Байконур и Егор, набравшись храбрости, вручил ей сувенир, привезенный другом из далекой Малайзии.

– Торопитесь, молодой человек, – с легкой усмешкой сказала докторша, принимая подарок. Наш герой в это время накручивал вторую сотню километров на велоэргометре и обливался потом не только от усталости, но и при мысли о том, какая реакция может последовать вслед за столь красноречивым даром. Некоторое время Римма колебалась, открывать пакетик или нет, но любопытство возобладало. – Впрочем, это, кажется, какой-то новый выпуск и, судя по маркировке, совсем свежий... ух ты! а шипы-то какие!.. – с благоговением произнесла она, открыв пакетик. – Просто страшно в руки брать... А размер ваш?

– Ну а как же... – с колотящимся сердцем сказал Егор и, увидев, что она заперла дверь на щеколду, слез с велоэргометра и направился к ней...

Теперь, сидя перед экраном, он снова возбудился, наблюдая за тем, как Римма, раздевшись, демонстрирует им прикрепление датчиков на теле.

– Самое главное – правильно установить фаллоскоп, – объяснял им доктор Омерзян. – Вот этими зажимами необходимо закрепить световод, затем подводишь вувльовизор, состоящий из миниатюрной телекамеры, и разворачиваешь объективом вперед, крепишь вспышку...

– Да вы что, совсем офонарели? – сердито закричала на него Маша. – Вы что, изнутри меня решили сфотографировать?

– Но поймите, нам необходимо узнать, как влияет невесомость на репродуктивные функции матки. Это чрезвычайно нужный для науки эксперимент...

– Черт бы вас побрал со всей вашей наукой! – рассерженно оборвала его «Позитрон-2». – Вы бы хоть у американцев поучились. Они вон все свои эксперименты сперва на животных попробовали. А нашим ученым, что? На людях дешевле выходит?

– Американцы тоже пробовали провести аналогичный эксперимент с шимпанзе, но он у них провалился. Обезьяны никак не желали спариваться во время сеансов связи.

– Да куда уж им, – покачал головой Егор, – они ж беспартийные...

– Да погоди ты! – прикрикнула на него коллега и вновь обернулась к доктору. – Вы что же, за всем этим подглядывать собираетесь?

– А как же! – горячо заверил ее Омерзян. – Не только наблюдать, но и запишем на плёночку, сохраним, так сказать, для истории. Помните, что бы ни произошло, мы всегда будем рядом и поможем, где надо добрым словом, где – советом. Наша Советская Родина нигде и никогда не покинет своих питомцев! – на прощание сказал им жизнерадостный доктор.

– Тогда это уже не родина, а какой-то питомник... – зло буркнул Егор в погасший экран.

Крохотная Земля в иллюминаторе была чем-то похожа на большой зеленый арбуз, плавающий в корыте с раскисшим мороженым. Егор в ту ночь спал плохо. Ему все хотелось по-человечески, по душам поговорить с Машей, объяснить ей, что не столь уж он плох и циничен, каким ей кажется, но она отгородилась от него стеной глухой враждебности и недоверия, как будто лично он, Егор, был изобретателем и вдохновителем этого дурацкого эксперимента.

Наутро, во время очередного сеанса связи с Землей, в ЦУП пригласили его жену Ирину с детьми. Привыкшая к нелегкой судьбе супруги летчика-испытателя, а затем и космонавта, она старалась держаться бодро, шутила, но взгляд ее был невесел.

«Неужто прознала про эксперимент? Или настучал кто?» – гадал про себя Егор, но уточнять не стал, от ее вопросов отделялся общими фразами.

С Ириной жизнь у него была не простая, даром, что она была женщина тонкая и деликатная, не чета ему, выпускница консерватории по классу гобоя, могла по-латыни цитировать Петрарку и частенько своей образованностью ставила в тупик мужа и его сослуживцев. Поначалу супружеская жизнь у них не ладилась и в самый разгар медового месяца чуть вообще не дала трещину после того, как Ирина во время уборки нашла крохотный металлический рифленый шарик, спрятавшийся во шве ковра.

– Нет, ты мне просто обязан сказать, что это такое? – выпрашивала она, напряженно следя за огорченным лицом супруга. – Признайся мне, это...

– Ну да... – он виновато кивнул. – Это и есть «жучок». Или «клоп».

А проще – подслушивающий микрофон. Ими тут каждый дом и каждый угол утыканы.

– Ты хочешь сказать, что они-и... они слушали, как мы с тобой... – слезы брызнули из глаз молодой женщины, она схватилась за голову.

– Да ну, что ты, Иришка, брось, не переживай ты так, – пустился он ее утешать. – Ну и что здесь такого? Сама пойми, у нас же тут сверхсекретный городок. А вдруг шпион какой сюда проникнет или вредитель? Вот наши особисты и слушают, кто, что и о чем с кем говорит.

Все про это знают и языки не распускают. Ты, главное, лишнего тут не болтай, поняла? А все остальное – пустяки, дело житейское, мало ли, чем мы тут с тобой занимаемся? Они всё понимают, тоже ведь люди, хоть и работа у них такая...

Она уныло кивнула. Но с этой минуты вообще прекратила беседовать с мужем о чем бы то ни было. Перестала она и подпускать его к себе, так что медовый месяц вышел у них основательно подпорченным. Он заметил, что Ирина начала бледнеть, худеть, перестала заниматься домашней работой и все чаще сидела где-нибудь в уголке с книжкой в руках, но не читала, а всё думала о чём-то своем...

Долго так продолжаться не могло. И вот однажды, выведенный из себя выволочкой, полученной от комполка за несвежую рубашку, Егор ворвался в ванную, где Ирина принимала душ, и заорал:

– Ну вот что, дура! Если ты, б..., такая цаца, что не можешь жить на секретном объекте, то собирай свои манатки и... к такой-то мамочке, поняла? !!..

При виде ее нагого, влажного тела, по которому алмазными крапинками рассыпались струи душа, он моментально остыл и потупил взор.

Она горько усмехнулась и сказала:

– Что ж, я, кстати, уже и билет купила. Так что, прости-прощай навеки, Егорушка. Только боюсь, что тебе за эти матюги выволочка будет по комсомольской линии.

– А, фигня все это, – он вяло махнул рукой. – Тут ведь вода шурует, ни хрена не слышно. А в ваннах они микрофонов не ставят по причине повышенной влажности... Так что... – он тяжело вздохнул, – прощай, стало быть, Ириша... – И собрался было выйти из ванной, но супруга удержала его и, заливаясь счастливым смехом, стала расстегивать ему пижаму.

– Правду говоришь? – восторженно шептала она. – Неужели и в самом деле здесь никто ничего не слышит? Ух ты, как здорово! Слушай, а давай прямо здесь, только ты воду пошибче пусти...

– Да как же так... – растерянно пробормотал он, послушно забираясь в ванну, – тесно же тут и вообще...

– А, ничего, в тесноте, да в теплоте, – прошептала она, ласково целуя его. – Давай, Егорка, мы всем им нос утрём!..

И вид ее белоснежного нежного тела, по которому неистово колотили струи горячего душа, окончательно выбил из молодого мужа всякую способность здраво рассуждать...

С той поры ванная комната на долгие-долгие годы стала их брачным лижем.

Таймер неумолимо отсчитывал последние часы перед началом эксперимента. Напоследок, когда Маша удалилась в туалетную кабинку, доктор Омерзян инструктировал Егора:

– Ты, кстати, выясни, какой у нее тип оргазма: клиторальный или вагинальный?

– Чего-чего? – Егор нахмурился. – Это как еще?

– Вай, аствац, какой же ты тёмный! – всплеснул руками доктор. – Если клиторальный, то тебе следовало бы произвести стимуляцию, то есть потереть вот тут, а если другой, то поактивнее работать внутри.

– Что значит: поактивнее! Что, у меня швабра тут привешена? – рассердился Егор. – Ну да ладно, хватит, мы с ней как-нибудь сами разберемся.

Маша выплыла из туалета, отплеываясь и сдавленно чертыхаясь.

– Что, опять не попала? – сочувственно спросил Егор. – Да не переживай ты так, у всех с первого раза не выходило. Вот, я помню, в позапрошлом году этот поляк с нами летал. Так он, засранец, когда свои дела сделал, рукоятку повернул, думал, что тут ему нормальный унитаз, все смоет. А на самом деле он вентиль переключил на обратный ход; так оттуда ка-ак дунуло, и всего его добро обратно ему в морду и вылетело. Ну и запашок же пошёл! Две недели мы потом по всей станции ползали, дерьмо его со стенок соскребали.

Он надеялся ее рассмешить этой историей, но вместо этого Маша еще больше погрузилась и сказала:

– Нет, совсем не чувствуется в вас пролетарского интернационализма, товарищ Кузьмин... Нам, кажется, уже пора готовиться.

– Да вроде того, – хмуро подтвердил он, отстегнул ремень и воспарил над своим креслом, – Как вам, может, музыку врубить интимную? Или предпочтете в тишине?

– Я бы предпочла в темноте, – заявила она. – А еще лучше – в гордом одиночестве. Погасите, пожалуйста, свет.

– Не велено, – возразил он. – Действуем строго по инструкции. Недаром же тут аж две телекамеры установлены. Чтобы запечатлеть для потомков половой акт всемирно-исторического значения.

– Прекратите пошлить! – воскликнула она, стягивая через голову рубашку. – И, пожалуйста, отвернитесь!

– Послушайте, деточка! Сколько вам, собственно, лет? – вспыхнул он. – По моим подсчетам, уже тридцать четыре. Так что нечего тут из себя гимназисточку строить. Шлёпайте на себя все эти датчики и ложитесь в позу дохлой кобылы, а я вас быстренько отработаю и, смею заверить, впредь до конца полета (и, уж конечно, после него) на вас и не взгляну, как не глядел и раньше.

Тут он, однако, несколько погрешил против истины, поскольку, несмотря на свой далеко не юный возраст, выглядела его напарница еще очень молодо и соблазнительно. В ее стройном, тренированном теле не нашлось бы и грамма жира или лишнего мяса. Казалось, все в нем было подчинено одной-единственной цели – как можно дольше сохранить бегучесть и прыгучесть, пожертвовав грацией ради силы. Свой путь в космонавтику Маша начала как спортсменка-парашютистка и до последнего времени выступала в соревнованиях, брала медали на европейских и мировых первенствах.

– Хм, а ты у нас еще ничего, – одобрительно сказал Егор, с волнением увидев ее небольшие груди с крохотными пуговками сосков.

– Послушай, прекрати, пожалуйста, говорить свои гнусности! – взорвалась она. – И нечего глазеть на меня, как цыган на лошадь! Ну, чего встал, как столб? Выполняй инструкцию!

А вот этого-то Егору в данную минуту хотелось меньше всего. Скрипя зубами, он прикрепил датчик на пояснице и икроножной мышце. Маша помогла ему застегнуть на плече рукав для измерения давления. В этот момент он попытался поцеловать ее, но она брезгливо отдернулась. Строго говоря, ему было не до поцелуев. Легкое повышение кровяного давления втрое было усилено невесомостью. Егора слегка подташнивало, сильно шумело в ушах, чуть кружилась голова, в глазах все плавало, но зрелище нагого женского тела, опутанного проводами и оттого еще более привлекательного, необычайно возбуждало его. Приготовившись, Маша легла, приняв предписанную позу, свободно вытянув руки и раскинув свои тугие, мускулистые бедра, почти не касаясь при этом своей аккуратно застланной койки и полуприкрыв глаза.

– Эй, послушай, а что это у тебя, а? – он был немало удивлен, глянув на ее младенчески безволосое тело. – От радиации, что ль, облысела или как?

– Не твое дело! – отрезала она. – Я просто выполнила свою инструкцию. А ты выполняй свою. Ну, долго ты будешь там копать?

– Эйн момент, фройляйн, – буркнул он, надел презерватив и, подлетев к партнерше, собрался было уже заключить ее в объятия, когда она, скосив глаза, процедила сквозь зубы:

– Надень свой хреновизор, скотина...

– Ах ты ж, мать твою!.. – воскликнул он в поисках прибора.

– Тише ты, козёл, за нами секут, – шепотом произнесла она, стараясь не глядеть в сторону правой боковой телекамеры.

– Понятное дело, – пробормотал он, лихорадочно приставляя световод к петельковым захватам, расположенным по всей длине презерватива, и подумал, что Римма не отказалась бы апробировать эту новую конструкцию. Оглядев свое мужское орудие; снабженное проводами, датчиками и телекамерой, Егор не мог не отметить, что оно, хоть и несколько поникло от непривычного груза, но тем не менее выглядело весьма грозно.

– Ну что же, начнем, пожалуй, – сказал он, глянув на часы и, переведя взгляд на экран, обратил внимание на весьма красноречивые жесты, которые делал ему доктор.

– А у тебя, кстати, какой тип этого...

– Чего?

– Ну, орга... органазма? Такой или другой?

– А? Что? – рассеянно спросила Маша. – Да нормальный у меня организм. Ты, главное, время не тьяни, а то повторять заставят.

– Понятно, – сказал он и нерешительно ткнул пальцем в то место, где по его предположениям, должно было находиться средоточие ее эрогенных зон.

Реакция превзошла все его ожидания: взвизгнув от неожиданности, Маша резко взбрыкнула ногами. От этого движения, повинувшись законам небесной механики, она сама отлетела в центр отсека и завертелась волчком на месте, а Егор, отброшенный к противоположной стене, свернул со столика телекамеру заднего обзора. Вдобавок ко всему, оба порвали все провода, прикреплённые к датчикам.

Вплоть до следующего сеанса связи оба провели время, ожесточенно переругиваясь и восстанавливая поврежденные приборы и аппаратуру, однако телекамеру починить так и не удалось. Пинком ноги Егор загнал её в дальний уголок за пультом управления, чтобы не мешалась.

Вскоре ЦУП вновь вышел на связь. На этот раз специалисты принялись давать космонавтам указания и практические рекомендации, однако Егор с молчаливого согласия Маши отключил звук и приступил к второй попытке. На этот раз они решили обойтись без стимуляции, однако коварная невесомость продолжала мешать им. Прежде всего невероятно трудным делом оказалось для Егора втиснуться между разведенными бедрами партнерши и навалиться, как это обычно водится, всем телом. С той же неумолимой силой, по законам среды, в которой отсутствовали понятия «верх и низ», «вес и тяжесть», и Маша давила на него, массы их тел уравнивались. Вдобавок ко всему, оба вдруг потеряли представление о пространстве, и в скором времени оказалось, что Егор вдруг оказался внизу, под телом своей напарницы, и лежит в буквальном смысле этого слова «на потолке». В это время его осенило.

– Подожди, сейчас, кажется, должно получиться, – сказал он. – Ну-ка, подожди ноги.

– Так?

– Нет, так не выйдет. Опустись чуть пониже.

– Так?

– Нет, так совсем низко. Слушай, ты просто сядь, а?

– Ах ты, черт, датчик отлепился.

– Ну и черт с ним!..

– И термометр выскочил... Погоди, я вставлю...

– Да ты не термометр вставляй, а...

– Ой, мамочка!.. – от неловкого движения Маша вновь отлетела.

Теперь оба висели в центре отсека, на равном расстоянии от его стенок, и были не в состоянии дотянуться до них ни рукой, ни ногой. Так они бултыхались в воздухе друг напротив друга добрых четверть часа, пока, наконец, от случайного шевеления воздуха Егор не сместился к полу и, оттолкнувшись от него, не подлетел к Маше и не водворил ее на ложе так называемой любви. Некоторое время они отдыхали, сидя рядом, как два намокших под дождем воробушка. Пот градом катил с них и витал вокруг крохотными серебристыми росинками.

– Ты бы думал, от чего отталкиваешься, – устало сказала Маша. – Вот и вторую телекамеру своротил.

– А, черт с ними... – вздохнул Егор. – Нечего им над нами свечку держать. Ты, Маш, главное, пойми, в космосе всё, не как на земле, у безвоздушного пространства свои законы. Тут, прежде чем что-то сделать, необходимо учитывать буквально всё: действие тут в самом полном смысле этого слова равно противодействию... л

– Тогда, раз уж ты такой умный, давай выведи сперва вектор приложения сил, составь алгоритм, просчитай на компьютере, а потом и лезь! – ехидно возразила она.

– Что значит «лезь»? – обиженно заявил Егор. – Это, кстати, не только мое задание, но и твое.

– Да ну, в гробу видела я это задание, в белых тапочках! – в сердцах сказала она. – Всё равно все датчики перебились. Ну-ка, встань, я постель поправлю.

Она встала, повернулась к напарнику спиной, нагнулась, и вид круто вылепленных, поджарых, с ямочками ягодиц неожиданно отозвался в сердце Егора томительной струной. Он положил руки Маше на бока и, прижимаясь щекой к выпуклому треугольнику ее крестца, блаженно прошептал:

– Маша, милая...

– Ты чего? – с удивлением спросила она.

– Ничего. Нагнись.

– Погоди тогда, я надену датчики...

– Не надо, ничего не надо... – срывающимся голосом взмолился он. – Просто нагнись – и все!

– Хорошо, – тихо и покорно ответила она.

На этот раз, кажется, все обещало получиться как должно. Однако, едва проникнув в то, что древние индусы поэтично именовали Садам Любви, его то, что не менее древние китайцы столь же деликатно прозывали Нефритовым Стеблем, вдруг неожиданно получило отпор от некоей пружинистой преграды, название коей в старинных руководствах по любовной практике не сохранилось. И чем активнее и сильнее он надавливал, тем сильнее эта преграда давила в обратном направлении, ни в чем не уступая мужчине.

– Да что у тебя там? Целка, что ли? – в отчаянии воскликнул он.

– А ты как думал? – отвечала она. – Недаром же они в инструкции написали: «Приступить к дефлорации». Это значит, что ты должен нарушить мою девственность. Ну, ломай же ты ее, что ли! – чуть не плача воскликнула она.

– Всё, хана... – в изнеможении пробормотал он, отваливаясь. Предмет его мужской гордости поник и никак не реагировал даже на щипки и неуклюжие ласки, которыми его попыталась было расшевелить Маша. – Все это без толку! – виновато объяснил он. – Тут уже вступает в силу психология. Пойми меня правильно, я уже не могу воспринимать тебя как обычную женщину. Ты для меня – больше, чем инопланетянка, больше, чем ископаемое какое-то, больше, чем снежный человек, ты – первая и единственная или последняя, это уж как считать, девственница в мире.

– Да не пори ты чушь! – обиженно воскликнула она. – Что же, по-твоему, на свете уже честных девушек не осталось?

– А причем тут честность? Конечно, биологически девственницы существуют среди детей, однако как только они начинают подходить к известному возрасту, тут же стараются избавиться от преграды, отделяющей их от мира взрослых.

– Значит, ты свою дочь тоже подозреваешь? – уничтожающе сказала она.

– А в чем мне ее подозревать, когда она мамочкин инфекундин по утрам, как леденцы, глотает? И это в двенадцать-то лет, а?

Одевшись, Егор подсел к пульту и стал ловить радио. Дикторша «Маяка» деловито сообщила, что доблестные космонавты «Расцвета» весь сегодняшний день посвятили проведению ответственного медико-биологического эксперимента. Ткачихи Ивановского комбината, встав на трудовую вахту, обещали весь следующий день бесплатно отработать в счет доблестных героев космоса. Еще одним орденом себя наградил Генсек.

Со всех концов страны и мира ему шли поздравительные телеграммы.

Егор с тоской подумал, что им также придется отбить сегодня такую же.

И что они там напишут? – «Находясь на геоцентрической орбите, наш экипаж с чувством глубокого удовлетворения воспринял весть о...»

Хотя «глубокого» так и не получилось. Да и радиogramму, скорее всего, уже составили и отправили из ЦУПа.

Одетая Маша подлетела к Егору и с его помощью устроилась в кресле.

Он старался не глядеть на нее.

– Ты уж меня извини, Егор, – виновато сказала девушка. – Такой уж душой меня маменька родила.

– Да чего уж там... – он понимающе улыбнулся и похлопал ее по руке. – Я-то ничего, это твои проблемы. Да и ты извини меня, коли что не то сморозил. Просто странным мне показалось, что тебе уже четвертый десяток набегает, а ты все еще в девках бегаешь.

– Что ж тут странного? – она пожалала плечами. – Я ведь всю свою жизнь то в пионерской дружине заправляла, то в комсомольских активистках бегала. Тут уж не до личной жизни, всё сборы, слеты, съезды, утренники, собрания... А чуть подросла, так всю себя спорту отдала, и тут уж волю пришлось собрать в кулак, парашют – это ведь не для слабонервных. Так что пришлось научиться держать себя в руках, не распускаться, не размякать. Какая уж там любовь? Так разве что поэскимосишь малость, да и то в интересах дела.

– Это как еще? – заинтересовался Егор. – На лыжах, что ли? Как на Крайнем Севере?

– Нет же, «эскимосить» – это от слова «эскимо», – и она красноречивым жестом пояснила, как едят популярное мороженое. – Это перед затяжными прыжками необходимо. У вас же, мужиков, такой организм щепетильный: во время резкой смены давления кровь от центра резко приливает к голове, так что непосредственно перед прыжком человека необходимо разгрузить. Так мне тренер наш объяснил. Вот я и разгружала.

– Прямо в самолете? – изумился Егор.

– А то где же еще? – с невинной улыбкой ответила она. – Тебе же объясняют, это – оздоровительно-профилактическая процедура. Иногда за раз по двадцать четыре человека приходилось эскимосить.

– Беденькая... – пробормотал Егор.

– Ну, тут не мне одной, всем девчонкам в команде попотеть приходилось. Ну да чего не сделаешь ради славы нашего советского спорта.

– Ффу... что-то кровь к глазам прилила. Видно, тоже давление повышено... Послушай, может бы и меня, того... «отэскимосишь»? – как можно небрежнее осведомился Егор.

Девушка пожалала плечами.

– Я-то – всегда пожалуйста, только ведь не успеем, скоро сеанс связи.

– Успеем, – радостно успокоил он ее, расстегивая комбинезон и развернул перед собой прихваченную с Земли газету. Ей он тщательно перекрыл обзор передней телекамеры и углубился в чтение. Когда глазок камеры загорелся и начался очередной сеанс связи, он, прикинув лицом к объективу со всей возможной в тот момент твердостью, заявил Рататуеву:

– Я со всей ответственностью заявляю вам, товарищ генерал, что половой акт в космосе – вещь абсолютно невозможная, а тем более, дефлорация. Так что смело можете отпускать в полет наших космонавток вместе с америкашками. Ничегошеньки у них не получится.

Посерьезнев, генерал многозначительно покачал головой.

– Что же, в науке отрицательный результат – тоже результат. А как здоровье «Позитрона-2»? – осведомился генерал, пытаясь что-то высмотреть за плечом Егора. – Чем она занимается?

– «Позитрон-2» в настоящее время занимается ми... то есть я хотел сказать, что она берет... словом, выполняет комплекс оздоровительно-гигиенических процедур, – нетвердо ответил Егор. По телу его пробежала крупная дрожь, ноги ходили ходуном, он с трудом подавлял рвущееся из груди тяжелое дыхание. Левая его нога случайно задела задвинутую под пульт первую телекамеру, и та неожиданно заработала. На главном десятиметровом экране ЦУПа крупным планом возникло сосредоточенное лицо «Позитрона-2».

Глянув в сторону, генерал ойкнул и пропал с экрана, на корабле наступила глубокая тишина, и отважные герои космоса самозабвенно продолжали «эскимосить», совершенно не подозревая о том, что в эти минуты творилось в ЦУПе...

* * *

Фантомы брачной ночи

Эта женщина умела производить впечатление. С первого взгляда можно было предположить, что способна она и на большее, но все последующие ее достоинства являлись следствием главного – способности обвораживать. От нее, казалось, буквально исходил еле уловимый и трудно передаваемый словами аромат чувственности и плохо сдерживаемого эротизма.

Старенький доктор глядел на нее сквозь сильные очки и думал: "Вероятно, вслед тебе оборачиваются девять из десяти встречных мужчин. Они разевают рты, застигнутые врасплох твоим загадочно мерцающим взглядом, взволнованные твоим высоким, вольно колышущимся бюстом, круто вылепленным торсом... Они мечтают удержать в памяти изящество твоего точечного стана, рисунок твоих танцующих ягодиц, контуры выпуклых икр..."

– ... он совершенно, совершенно меня не понимает, – шептала женщина, прижимая то к одному, то к другому глазу кружевной платочек. – Поверьте, доктор, я люблю своего мужа, безумно люблю и уважаю. Но его равнодушие, безучастность, холодность просто бесят меня. И лишь из-за этого, только затем, чтобы досадить ему, я порой прибегаю к изменам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.